

«УЧАСТНИК ЖИЗНИ»

Писатель-сатирик Николай Полотай

«Старость — это Долина Падающих Камней. Кончай суетиться, не ссорься с природой, приглядишься, куда ставишь ногу»...

А пока что Коле Полотаю лет двадцать или около того. Родился в Севастополе, выбрал промышленно-экономический техникум, ну и двигай по технической части! Так нет. Что суждено, того не минуешь. На поэзию потянуло. В литературу. Образование неподходящее, зато взрывной силы в молодце, как у выпущенной торпеды. Толкал его, по собственному признанию, «бес честолюбия»: «В стенах техникума — свои бои... Вступаю в словесную перепалку... Назревает скандал... Бои, бои, бои...»

В Старом Крыму угасал Александр Грин, в Коктебеле Максимилиан Волошин, но об этой грядущей славе полуострова Коля, скорее всего, и не слышал, а поднапрягся да и пробил свой собственный стихотворный сборник, названный «Конкретные предложения»... Строчки ступенчатые, под Маяковского, лексика митинговая, но замах!.. А год притаился тридцать второй, впору смекнуть, оглянуться на недавний тридцатый... Не ворохайся, Коля, охолонь, погоди предлагаться! Да Колю не остановишь. Выступил со стихами. Они обещают ему Венчик славы: для начала — в масштабе техникума, а там — и в комсомольской прессе, куда он, кстати, и перешел.

Но вот уже критик-надомник обрызнул ядом бумагу, да не в редакцию снес, а в секретное всем известное учреждение, и тут же несильно снизился над городом Филин Фатума, ночной охотник с кривыми когтями, и перенес Колю Полотая на тысячу верст северо-восточнее его маленькой теплой родины...

Вернулся Николай Исидорович после хрущевской оттепели, даже позднее: было еще пять лет «по рогам» (поражения в правах). С виду — старик, зубов нет, венчик вокруг лысины поредел, но, как выяснилось, природная неукротимая энергия осталась при нем. Довелось-таки, наконец, проявиться дарованию сатирика и юмориста. В библиотеке «Крокодила» вышел его сборник. Начали появляться еще книжечки, тоненькие, а «жрать же ж надо же ж», как говаривал Коля при всяком удобном случае.

Была тогда у писателей подкормка: «Бюро пропаганды художественной литературы». Более половины так или иначе отбирая в свою пользу, оно, это бюро, открывало все же источник разрешенного заработка. Вышло так, что мы с Полотаем — два Николая — наладились выступать вместе. Может, как раз потому, что разные. Я слабо усваивал настроение курортной публики, выбирал для читки что-то воздушно-лирическое, надеясь на внимание хотя бы женской половины зала: «Улавливаюсь в эти / серебряные сети, / и роща в новом свете, / и люди снова дети, —) времен смущая давность, / мнет сигаретку Дафнис, / высматривает Хлою, / подкрашенную хною...». «А теперь, — заканчивал я свое десятиминутное стояние на краю сцены, — перед вами выступит сатирик и юморист, кр-роко-дилец Николай Исидорович Полотай!» После чего мой Коля, жмурясь и нарочито скромничая, начинал «бутафорить». На шум в зале: «Послушайте, вы мешаете! Переждав, пояснял: «Вы пиво с водкой мешаете...» Это уже для мужской половины... Конечно, немало шло такой вот бытовщинки, но не лучше выглядел и тогдашний наш слушатель: вполуприщур смотрел, вполуха прислушивался. А там, где сатирик вдруг создавал свою роль: «Я царский шут, не площадной холоп!» Или: «О, русская казенная душа, как только держишься ты в бедном человеке!» — публика настораживалась. Заполнив оставшиеся после меня пятьдесят минут, а то и более часа, Коля завершал вечер под аплодисменты. Они-то и утоляли его, казалось, еще с юности неутоленную жажду...

Зато дорогой — а в пути мы бывали подолгу — Коля сводил все разговоры к обсуждению своей очередной рукописи. Тут уж я морально обяза-

вался отработать все, чего не додал на сцене. В дорожных разговорах всегда сквозила у нас нотка иронии. Очень удобно: чуть что — «да я пошутил!..» А все, что думалось, между тем высказано — и самолюбие не пострадало.

Кажется, было это по дороге в Кастрополь. Жарко. Кипарисы струят бальзамический аромат перегретой хвои.

«Твоя сатира, Коля, — втравливаю напарника в свой разговор, — вся в обложках из кр-р-рокодиловой кожи...», говорю я.

«Так я и сам крокодил».

«А порох сырой. Настрагаете со спичечных головок — бах!..., дыму много, а пострадавших не видно».

«А я — что: не пострадавший?» — это он насчет лагерей. «Так то же авансом...».

«Вот я его, этот аванс, и отрабатываю всю жизнь».

Диалог с алогизмами сползает в юмор.

И я «обостряю»: «И вообще это не литература».

«А что же, по-твоему?»

«Так, репризы для клоунады. Затейничество. Конферанс...».

«Что?! А «Шут Балакирев»? А «Зоофоризмы»?

«Ладно-ладно. Шучу. Я ведь тоже немного сатирик. Все мы немного сатирики».

Наш симбиоз оказался прочен и длился годы.

Тем временем мой энергичный напарник расширял дело. Начали работать на выезде. Организатор Юрочка планировал для нас по пяти выступлений в день (он тоже работал с процентов)!

Летом, когда в Ялте курортный рай, понесло нас в мало кому известный шахтерский город Коммунарск, с его смутно-сиреневым адским дымом из нескольких высоченных труб, дымом, из которого выпадала на город тяжелая взвесь, дворники наметали ее вдоль тротуаров сугробиками, тяжелыми и зловещими, как металл, в них таящийся...

«Город юности и смеха!» — почему так говорят о Ялте?» — спрашиваем. Отвечают: «Юности — потому что никто не доживает до старости, а смеха — это потому что, когда ветер гонит дым на одну половину города, другая смеется, и наоборот...»

«Коля, кончай острить. Ну сколько можно?»

Тетка мой ухмыляется, шуруется, шутовски обосновывает: «Но жрать же ж надо же ж!»

«Да тебе ящика кефира на месяц хватает, а зарабатываешь в день по ящику, а то и по два. И водку не пьешь... Помнишь, как сказал о тебе тот агроном: «Да вин газированную воду — и то с трудом пьет...»

Конечно, бытовая, жилищная неустроенность обоих нас заставляла работать. Но вот наконец-то, у Коли Полотая все обустроилось: квартира просторная в новом доме, паркет, лоджия, и подруга дней суровых — симпатичная жена, моложе его и очень хозяйственная: все в дом...

Между тем подступала пора итогов. Вынес ли чего полезного из стольких разъездов? Кажется, да. Узнал, например, что «незначительная» ли-

тература так и останется незначительной, сколько ее не взбадривай и не рекламируй. Это естественно. Так было всегда. Но Коля мой даже с явной очевидностью мириться не захотел.

Вот мы прибыли в глубинный район. Я иду в местный парк — продышаться, наш Юрочка — в райком, договариваться о выступлениях, а Коля Полотай — непременно в библиотеку.

«Подыщите мне что-нибудь автора Полотая — басни или стихи...»

«Какого автора?»

«Как, вы не знаете Полотая? У вас нет? Ай-яй-яй! Ну, хорошо, я подарю вам свою книжку, — достает, подписывает. — Приходите вечером в клуб на наше выступление. Обещаете?»

«Ага...»

И так повсюду, где только ни остановимся. Смешно и немного по-детски. Как трудолюбивая пчелиная матка, Коля подготавливал себе аудиторию. Только ничего заметного, кажется, из того так и не завязалось. Я думаю, его самопропаганду подпитывали почти ежедневные аплодисменты. Они ведь тоже как наркотик. А еще более того сбивали киевские (и ответно — ялтинские) застоля друзей-баснописцев: не вином друг друга похмеляли — похвалами. И уже гость оказывался равным Эзопу («Он сам не хуже греков — талант!»). Распаяли себя, шутя и вроде дурачась, а протреться уже не было сил: привыкли!

Под конец к «бесу честолюбия» подпрягся второй, более основательный — бес сребролюбия, и вдвоем они так понесли Колину кочевую кибитку — не остановить, сколько ни укорачивай вожжи. «Коля, — это он ко мне, — послушай строчку: сверх гениально!» Шуточки шуточками, а простой гениальности уже было маловато. Лишь под конец жизни что-то начало проясняться в его перевозбужденном сознании. Фаталист Сенека, говоря о мгновении отведенного отдельному человеку отрезка жизни, заметил: «Убийца следует за убитым»... В нашем случае погубитель-критик (Полотай по секрету сказал мне, кто он) ушел первым, ушел естественным течением порядка вещей. Никогда погубитель и пострадавший даже не глядели в сторону друг друга, не то, чтобы какие враждебные действия.

Время все еще было двусмысленным, а время графов Монте-Кристо давно миновало, да и не было его, такого времени — одна лишь романтическая фантазия великого правдолюбца... Так что Николай Исидорович только работал и занимался обустройством собственной жизни — как и все мы, впрочем.

Потом — мой переезд в другой город. Мы с Колей расстались. Я отпраздновал свой уход четверостишием: «С эстрады парка городского / читал, случалось, дребедень, / но чем верней шлифую слово, / тем глубже отступаю в тень». В тень, да такую глубокую — дальше некуда: античный мир, греческие колонии в Таврике — Херсонес, Пантикапей...

За Колей Полотаем слезу издали. У него вдруг пошли выходить книги, да не то, что первая мелочь, а все толстенные, в хороших плотных пе-

реплетях, и каждый год: семьдесят шестой, седьмой, восьмой, девятый, а в восемьдесят четвертом — так даже две сразу. Как только ему удастся? Вообще-то закономерности в датах не видно. В 1970 году — казалось бы, самый «застой», а вышло сразу три книжки. Просто такова была «техника издания»: будучи полуофициальной, она все равно забирала уйму энергии и обязывала к любым контактам — это Коля тоже умел. Литература, да еще сатирическая, не может так просто прыгать из эпохи в эпоху. Правда, дубляж, перепечатки, но тиражи большие — это сколько же гонорару? «Жрать же ж надо же ж»... А кому жрать-то? Жене? Двое душой! Но и выступать ведь продолжал! Вот крепкий старик!

Последняя наша случайная встреча — в Ялтинском Доме творчества. Осень, 1986 год. В столовой сидим, обедаем. Подходит молодой с каким-то списком, наклоняется:

— Николай Исидорович, вы участник войны?

Мой Коля поморщился, как от зубной боли, ответил громко:

— Я участник жизни!

Здорово это тогда прозвучало. «Участник жизни»... Молодец! Ему уже семьдесят семь... А выступать все еще не бросил. Даже отсюда, из Дома творчества, ездит по вечерам то в Алушту, то в Симеиз. Раздражителен стал, ворчлив, забывчив.

— Коля, — говорю ему. — Ну, хорошо. Вот ты все выступаешь на выездах. А коль сил не станет, тогда как?

— Мы с женой решили: в дом старости подадимся. Для писателей. Обещают открыть. Сдадим свои пенсии...

— А квартиру?

И квартиру сдадим.

— Жена согласится? Ой ли? Она еще ничего! — И я декламирую в нашей давней шутейной тональности: «Не переманивай поэта,/ не обещай ему добра:/ хрустальной звонкости буфета,/ махровой вязкости ковра...»

Но былого дурачества не получилось. Может, он принял стихи как намек: я застал его когда-то за выбиванием пыли из большого ковра — не для старика работа. Или неосторожно задел струну его теперешних сомнений насчет финала — кто знает, что у них там в семье говорено — может, как раз идет самый разгар. Обозлился: «Это ты, — говорит, — из зависти, да. Из зависти, что сам не имеешь. Ничего не нажил — ни семьи, ни квартиры». Повернулся и ушел, покачиваясь.

В тот же день приехал в Дом творчества новый председатель Литфонда, наш Горбачев Л.М., писатель. Выступил. Нарисовал картину, как при нем будет у писателей замечательно. Пошли вопросы. Вдруг слышу, узнаю резковатый, скрипучий голос, недовольный и даже требовательный: «А как будет с теми, кому за восемьдесят?» — голос Коли Полотая.

Наш Горбачев опять же наобещал всего. Но меня остановило другое. Фатум... Можно ли с ним, с Фатумом, так запросто... Так неосторожно: «Кому за восемьдесят...», почти пренебрегая той Волей, что вне нас? И вообще — будущим! Как это у Тютчева: «Кто может крикнуть «до свиданья»

через бездну двух или трех дней?». Не ворохайся, Коля, «погоди предлагаться.., — так подумалось мне.

А в следующем году, в начале июня месяца, Полотай снова отправился на выступление, кажется, в Алушту. Да-да, я потом звонил, узнавал. Погода паршивая, дождь, но ехать надо — срывать вечер, когда люди собрались, не годится. Коль путевка Бюро пропаганды выписана, так это тоже как Фатум, — правда, здесь все-таки Воля тоже участвует. На обратном пути, в полупустом позднем троллейбусе Колю продуло. Двустороннее воспаление легких. Три недели — и человека нет. Через какое-то время звоню его жене. Голос знакомый... Лекарств одних на сорок рублей...». Зачем она это сказала, про лекарства? Показать заботу? Я так и не понял этого ее душевного движения.

Прошло еще года два или три. Я снова в Ялтинском доме творчества. Киевский баснописец, хорошо знавший Полотая, спросил меня: «Хочу пройтись, — говорит, — к нему на кладбище, а где искать?» В самом деле, вдвоем и проведаем! Звоню Колиной жене В трубке голос, уже совсем незнакомый. Не ее. Ответили четко: «Жена писателя переехала в другой город, где у нее тетя. Обменялась тройным обменом, получила доплату очень хорошую. Старость ее обеспечена».

Ниточка обрывается. Памятника, значит, нет — не успела, а без жены никто уже не отыщет быльем зарастающий холмик.

Задумался над Стечением Обстоятельств. Как же так? Тиражи его книг едва не достигли полутора миллионов, и не менее миллиона гостей слышали его на здешних подмостках, а его не стало — и, как вообще не было. Ни строчки участия за подписью «Группа товарищей» в местной печати. Неблагодарною оказалась его работа. Жена? Жены обычно продлевают след в людской памяти. Полотай любил ее, и в книге прямо сказал о своих чувствах, называя жену не условным каким — настоящим именем... Вообще-то и семьи чисто советские, нуждались, очевидно, справедливости ради, в буржуазном брачном контракте. Зря мы его хаяли и им пренебрегали.

«Старость ее обеспечена...» Гм. Как знать, как знать. Все, что нарабатал и накопил Полотай, возможно, дождет инфляция — вот уж кому воистину «жрать же ж надо же ж!» И тогда уже все усилия, окончательно все, пойдут прахом. Да намного ли глуше могла закатиться его судьба в несправедном лагерном заточении, чем в праздничной Ялте, в самом водовороте говорливых толп отдыхающих, где каждый десятый, могло стать, узнал бы его в лицо!

Севастополь. 1994.

